
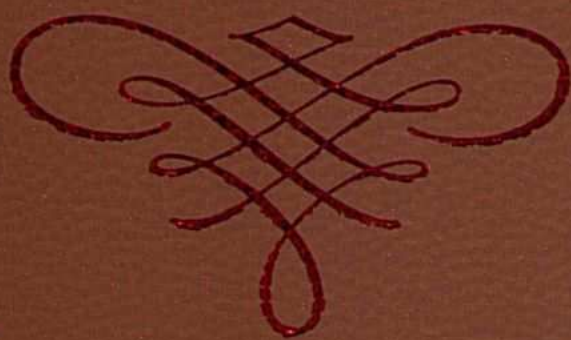

ИСТОРИЯ КАЗАХСТАНА

В ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКАХ

XII-XV в.в.

1

Серия книг по Государственной
программе «Культурное наследие»
выпускается по инициативе первого
Президента Республики Казахстан
Нурсултана НАЗАРБАЕВА

Редакционная коллегия Главной редакции
серии книг по Государственной программе
«Культурное наследие»:

Тасмагамбетов И.Н., главный редактор
Тажин М.М., заместитель главного редактора
Жанаханов К., ответственный секретарь
Абдильдин Ж.М.
Ауэзов М.М.
Байпаков К.М.
Зиманов С.З.
Калетаев Д.А.
Каскабасов С.А.
Кекилбаев А.
Кенжегозин М.Б.
Койгелдиев М.К.
Косыбаев Е.М.
Кул-Мухаммед М.А.
Магауин М.М.
Мамбеев С.А.
Нурпеисов А.К.
Нысанбаев А.Н.
Рахмадиев Е.Р.
Султанов К.С.
Сулейменов О.О.
Хусаинов К.Ш.

RENÉ GROUSSET

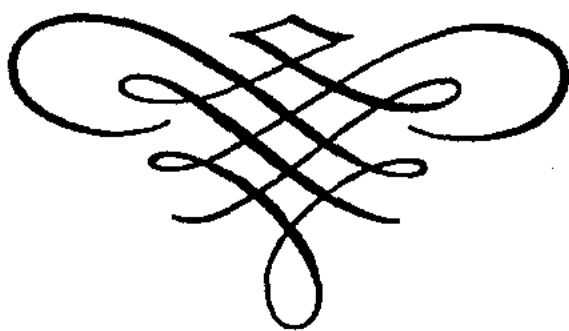

L'EMPIRE DES STEPPES

ATTILA, GENGIS-KAHN
TAMERLAN

1

РЕНЕ ГРУССЕ

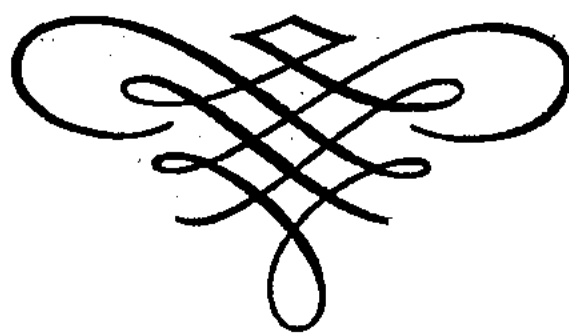

ИМПЕРИЯ СТЕПЕЙ

АТТИЛА, ЧИНГИСХАН
ТАМЕРЛАН

1

ББК 63.3

Г 90

Выпущено по заказу Комитета
информации и архивов
Министерства культуры, информации и
спорта Республики Казахстан

* * *

*Председатель Общественного совета государственной
программы «Культурное наследие» Тасмагамбетов И.Н.*

*Член Общественного совета по реализации государственной
программы «Культурное наследие» на 2004-2005 год,
руководитель секции «Исторические науки» Койгелдиев М.К.*

*Куратор серии «История Казахстана в западных
источниках XII-XX вв.» Сужиков Б.М.*

* * *

Груссе Р.

Р 90 Империя степей. Аттила, Чингисхан, Тамерлан.
Том I. Пер. с франц. Х.К. Хамраева. / Сост.
Б.М. Сужиков. — Алматы: «Санат», 2005. — 286 с.

ISBN 9965-664-31-5

В книге на основе объемного материала дается подробнейшее описание жизни Великой Степи с периода античных времен по XVIII век. Повествование основано на исторических исследованиях автора с привлечением большого количества источников европейской, китайской, персидской и др. культур.

Новизна издания — в отображении точки зрения на известные события истории крупного западноевропейского исследователя, мнение которого лишено предвзятости и конъюктурности.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Г 0503010000-13 1-05
416(05)-05

ББК 63.3

ISBN 9965-664-31-5 - (Т.1)
ISBN 9965-664-31-7

©Grousset R., Paris, Payot, 1965.
© Груссе Р, 2003, 2005.
© Переводчик Хамраев Х.К., 2005.
© Составитель Сужиков Б.М., 2005.
© Худ. оформление ТОО
“Издательство “Санат”, 2005.
© ТОО “Издательство “Санат”, 2003, 2005.

**Посвящается Жану ДЕНИ,
мэтру тюркологических исследований Франции**

«И сказал Господь: Я подниму полчища людей, которые пойдут по широтам земли, чтобы завладеть не принадлежащими им селениями. Народ жестокий и необузданный! Быстрее барсов кони его и прытче вечерних волков. Скачет в разные стороны конница его; издалека приходят всадники его, прилетают, как орел, бросающийся на добычу. И над царями он издевается, и князья служат ему посмешищем; над всякою крепостью он смеется: насыплет осадный вал и берет ее....»

(Нав. 1,7 - 10)

ПРОЛОГ

Аттила, Чингисхан, Тамерлан... Их имена навсегда вписаны в историю. Повествования западных историков, китайских и персидских летописцев способствовали популярности этих личностей. Великие варвары, они возникали в самом сердце истории цивилизации молниеносно, в течение нескольких лет, превращая римский, иранский или китайский миры в груды руин. Их появление, передвижение по земному пространству и исчезновение, похоже, не находят объяснений, хотя традиционная история не прочь разделить мнение древних авторов, которые рассматривали их как кару Божью, посланную как возмездие старым цивилизациям.

Однако, как только мы приступаем к «прочтению» их образа жизни, то становится очевидным, что никто, кроме этих людей, не был тесно связан с землей и ее законами, и не был в такой степени востребован окружающей средой, благодаря своей мобильности и выработанным навыкам поведения. Степь сформировала их загорелыми, коренастыми и неукротимыми, потому что выросли они в необычайных физических условиях. Свирепый ветер высоких плато, лютая стужа или знойная жара вылепили эти скуластые лица с раскосыми глазами, с редкой волосистой растительностью, вырубил эти грубые и угловатые тела. Повеления жизни к постоянному движению с места на место определили их номадизм, а скудные обстоятельства кочевого хозяйственного уклада привели к установлению связей с оседлыми народами, которые сопровождались то робким подражанием, то кровавыми набегами.

Поэтому по причине нашего незнания образ трех-четырех великих азиатских кочевников, внезапно возникавших в нашей истории и нарушивших ее мерный ход, представляется для нас чем-то из ряда вон выходящим. Наряду с этими личностями, которым выпала необычайная судьба стать завоевателями Вселенной, сколько было бы еще подобных аттил и чингисханов, которым так и не удалось, или, я бы сказал, которые так и не сумели создать свои империи, будучи стесненными в рамках азиатского удела от Сибири до Желтой реки, от Алтая и до Персии. Это, согласимся, представляется также явлением неординарного масштаба. В данном контексте мне хотелось бы показать этот народ великих варваров и раскрыть причины его величия в образе потока, текущего сквозь тысячелетнюю историю от границ Китая до пределов нашего Запада, ведомого тремя величайшими деятелями, вписанными в заглавие этой книги.

Однако прежде следует четко разобраться в поставленной проблеме. Классический мир в достаточной мере познал целый ряд олицетворенных образов подобных варваров на своей земле, я бы сказал, целые множества народов-варваров, которых так поименовали их соседи. Кельты длительное время представлялись варварами для римлян, германцы — для Галлии, славянский мир — для Германии. Даже будущий южный Китай долго рисовался варварской страной в глазах насельников бассейна Желтой реки. Однако поскольку во всех этих случаях речь шла о регионах в равной степени предрасположенных к ведению земледельческого хозяйства, то, несмотря на некоторую задержку в развитии прогресса, упомянутые народы-варвары Европы, Передней Азии, Ирана, Индии и Китая в расцвет средневековья приспособились к образу жизни большинства.

Тем не менее в этот процесс не была включена весьма значительная зона. Это — широкая полоса, которая протянулась в центр и на север Европы, от границ Манчжурии до Будапешта, а также пояс степей в северной части, являвшийся продолжением сибирских лесов. В этих местах географические условия позволяли развиваться земледельческому укладу жизни только на отдельных культивируемых землях, вынуждая население заниматься лишь выпасом скота. Кочевой образ жизни здесь соответствовал концу эпохи неолита, характерного для всего человечества тысячелетия тому назад. Более того, часть племен лесных зон оставалась по-прежнему на уровне существования охотников магдаленской культуры. Зона пересечения лесов и степей, таким образом, продолжала быть местом сохранения варварского образа жизни. Это нужно понимать не в том смысле

(на чем мы настаиваем), что население тех краев обладало более низкими человеческими качествами по сравнению с другими народами, а потому, что оно существовало в тех условиях выживания, которые были уже повсеместно преодолены в предшествующие эпохи.

Жизнь этой части человечества, застывшей на пасторальной стадии развития, в то время как остальная часть Азии уже давно перешла к более передовой стадии земледельческой цивилизации, и стала основной причиной драматических событий в истории человечества. Она повлекла за собой нечто вроде разрыва во времени между народами-соседями. Люди второго тысячелетия до Рождества Христова сосуществовали с людьми XII-го века новой эры. Для того, чтобы понять это несоответствие в человеческом измерении, достаточно спуститься от Верхней Монголии до Пекина и пройти от киргизских (казахских) степей до Исфагана. Именно здесь возник колоссальный разрыв, чреватый губительными последствиями. Для оседлого населения Китая, Ирана или Европы гунны, тюрки и монголы являлись, по существу, дикими людьми, на которых можно было бы произвести впечатление парадом, заинтересовать их некоторыми изделиями из стекла или возвеличить титулами, не принятыми в цивилизованном мире. Что же касается самих кочевников, то их чувства были обнажены. Гонимые судьбой в годы засухи и оскудения степи от одного иссякнувшего источника до другого к границам оседлого мира, к вратам Пенчена или Мавераннахра тюрко-монгольские пастухи, пораженные, созерцали здесь чудеса оседлой цивилизации с ее обилием урожаев, переполненными деревенскими амбарами и роскошью городов. Гунну недоступно было уразуметь это чудо, вернее, понять секрет этого чуда, заключавшегося в трудолюбии и терпении тех, кто приложил усилия для создания этого человеческого улья. В предвосхищении трофеев он напоминал волка, символа своего тотема, который в снежную зиму подкрадывался к ферме, учуяв за изгородью добычу. Кочевник с его тысячелетиями выработанной интуицией всегда был готов к неожиданному вторжению, грабежу и бегству с награбленным.

Режим выживания пастухов и охотников рядом с земледельцами или, иначе говоря, развитие все более и более богатых земледельческих общин на фоне населения, прозябающего на уровне пастушеского скотоводства и периодически испытывавшего страшные периоды голода, вызываемые степными засухами, добавляет, таким образом, к колоссальному экономическому разрыву один из жесточайших социальных контрастов. Повторимся, в данном случае

географический вопрос расселения человечества становится вопросом социальным. Взаимные чувства оседлого человека и кочевника по отношению друг к другу можно сравнить с противоречиями круга буржуа и пролетариата, находящихся в пределах одного и того же современного населенного пункта. Земледельческие общины, обрабатывающие богатую плодородную почву Северного Китая или же сады Ирана, или насыщенный киевский чернозем, были окружены зоной бедных пастбищ, зачастую с суровыми климатическими условиями, где раз в десять лет иссякали источники воды, высыхали травы, погибал скот, а вместе с ним и кочевники.

В данных обстоятельствах периодическое массовое нашествие кочевников на культивируемые земли выступает законом природы. Отметим, что тюрки или монголы относятся к рациональной, сбалансированной и практичной расе, выпестованной в жестких условиях окружающей среды, и поэтому нацеленной на то, чтобы повелевать. Сколько оседлых обществ, приходя в упадок, уступали под натиском вторгавшихся в их города кочевников, которые, когда стихали звуки кровавого боя, без труда заменяли свергнутых ими правителей. Не испытывая ни малейшего чувства робости, они вступали на самые великие престолы. Тут и великий хан Китая, шах Персии, император Индии, султан Рума. Кочевник умел приспособливаться. В Пекине он становится наполовину китайцем, в Исфагане или Рее — наполовину персом.

Быть может, так распорядилась судьба ради того, чтобы между степью и цивилизациями обеспечивался определенный баланс? Вовсе нет! Неумолимые законы человеческой географии продолжают свое дело. Если китаизированный или иранизированный хан устранялся каким-то ранее подготовленным заговором или спонтанной реакцией со стороны местного населения, тут же у границ вновь возникали те, кто шел из глубин степей. Это были новые лишенные средств и изголодавшиеся орды, которые, несмотря на родство с таджиками и тобгачами, персами и китайцами, вновь начинали те же самые опустошительные набеги.

Как же так происходило, что подобные рискованные предприятия почти каждый раз приносили успех, и ровно через тринадцать веков они повторялись в том же ритме, начиная от вторжения гуннов в Лоян и до пришествия маньчжуров в Пекин? Это происходило потому, что в течение всего этого времени кочевники, несмотря на сильное отставание в сфере материального производства, обладали преимуществом огромного военного превосходства. Они были лучниками на

лошадях. Невероятной мобильности кавалерия первоклассных лучников, вот то техническое «оружие», которое дало превосходство над оседлым населением, равное тому, как в относительно современный период артиллерия предоставила Европе перевес над остальной частью мира. Безусловно, этот способ ведения войны был также известен как китайцам, так и иранцам. Начиная с III-го века до Рождества Христова, китайцы модифицировали военную экипировку для нужд кавалерии. Что касается иранцев, то они со времен парфян знали цену массированного залпа стрел нападающей конницы, которая тут же могла сменить позицию или отступить. Но ни китайцы, ни иранцы, ни русские, ни поляки, ни венгры не могли быть равными в этом монголам. Наученные самой жизнью с самого раннего детства преследовать на скаку животных на бескрайних степных просторах, имея навыки устраивать скрытые засады и различного рода охотничьи ухищрения, обладая терпеливостью при выслеживании добычи, от чего зависело их пропитание, монголы в этом отношении были недостижимы. Преимущество кочевников состояло не в частоте атак на противника, а, наоборот, в их неожиданности, умении быстро исчезать и вновь появляться с сокрушительной силой, не давая противнику возможности оказать достойное сопротивление. Изматывая и неотступно преследуя, кочевники, в конце концов, доводили врага до изнеможения и потом добивали как загнанного зверя. Исключительная мобильность, способность быть в нужное время в нужном месте превращали такую кавалерию в умелое орудие военного искусства. Особая удача сопутствовала им тогда, когда ею руководили два великих стратега Чингисхана — Джэбэ и Субэдэй. Европейские путешественники на Восток Плано Карпини и Рубрук, которым удалось видеть это воочию, очень высоко оценили это решающее тактическое превосходство. Фаланговый строй и прохождение в виде легионов имели успех в Европе, поскольку они соответствовали политическому строю Македонии или Рима и были методическим творением организованных государств, которые создавались, существовали и исчезали подобно всем другим государствам. Степной же лучник верхом на лошади господствовал в Евразии в течение тринадцати веков, потому что он был стихийным творением самой земли, пасынком голода и нищеты; и это состояние было единственным средством спасения для кочевников, чтобы окончательно не умереть в страшные голодные годы. Задумаемся же над тем, что если Чингисхану удалось позднее завоевать мир, то это произошло именно потому, что сиротой, брошенным в глухих степях Керулена, вместе с молодым братом Джучи-

Лигром он стал почти ежедневно охотиться за дичью, чтобы не умереть с голоду.

Лучник на лошади, который неожиданно возникал, выпускал стрелы и также внезапно скрывался, был для античного мира и средневековья воплощением незримого стрелка, производившего почти такой же поражающий и деморализующий эффект, какого достигли артиллеристы Европы в свое время.

Чем объяснить исчезновение такого превосходства? И почему, начиная с XVI века, кочевник перестал быть угрозой для оседлого населения? Причина в том, что страны-населенники противопоставили ему артиллерию. Благодаря артиллерии они достигли технологического превосходства, которое «изменило» характер взаимоотношений прошлого тысячелетия. Пушечные канонады, при помощи которых Иван Грозный разгромил последних наследников Золотой Орды, это то же самое, что проделал китайский император Канси для подавления калмыков, что стало началом конца значимого периода в истории человечества. Впервые, когда превосходство в военной технике перешло в руки противника, цивилизованный мир оказался более могущественным, чем мир варваров. За короткий промежуток времени традиционный перевес кочевников канул в Лету, а калмыцкие лучники, которых по своей романтической натуре Александр I выставил против Наполеона на полях битвы 1807 года, оказались настолько диковинными, что сложилось впечатление возрождения из небытия охотников магдаленской эпохи.

Однако следует сказать, что прошло всего три века, как эти лучники перестали быть завоевателями вселенной.

1965.

ВВЕДЕНИЕ

СТЕПЬ И ИСТОРИЯ

Верхняя Азия, так, как мы ее сегодня представляем, является результатом грандиозного геологического катаклизма в истории планеты. Речь идет о наплыве пород этой огромной континентальной массы и ее изолированности в результате конвергентного столкновения двух гигантских хребтов при образовании горных массивов разных эпох доисторической эры: герцинской складчатости гор Тянь-Шаня и Алтая, очерченных с одного конца сериндинским сбросовым выступом, а с другого — древней сибирской платформой Ангары, а также альпийскими складками Гималаев, которые в эпоху миоцена заняли место древнего евразийского «Средиземноморья». Вогнутый изгиб Тянь-Шаня и Алтая на северо-западе и противоположный им изгиб Гималаев окружили и изолировали Туркестан и Монголию. В результате эти горы «зависли» над долинами периферийной зоны. Удаленность морей в сочетании с достаточно значительной высотой над уровнем моря способствовали тому, что на этих возвышенных территориях сложился резко-континентальный климат с невыносимой жарой в летнее время и с невероятной низкими температурами в зимний период. В Урге, в Монголии, температура колеблется от +38 до — 42 градусов. Исключение составляет Тибетский массив, высота которого над уровнем моря создает почти полярные условия для растительности, наряду с полукругом гор Алтая и Тянь-Шаня, которые ввиду аналогичных причин представляют альпийский климат с традиционным ярусным распределением, начиная от предгорных лесов и заканчивая разреженной растительностью горных склонов. В то же время почти вся оставшаяся часть Верхней Азии имеет продольную зону травянистых степей, покрытых зимой снегом и высыхающих в знойное летнее время. Степи-прерии, находящие более благоприятные условия в ирригационных зонах, агонизируют и превращаются в пустыни в центральных безлюдных землях. Они простираются от Манчжурии до Крыма, от Урги, в Верхней Монголии, до городов Мерв и Балх. Таким же образом евразийская прерия-степь севера находит свое

продолжение в субтропической засушливой степи, граничащей со Средиземноморьем, Ираном и Афганистаном.

На севере продольная зона евразийских степей смыкается непосредственно с зоной северных лесов, типичных для сибирского климата, покрывающих Россию и центральную часть Сибири, а также северную полосу Монголии и Маньчжурии. В своей срединной части она постепенно переходит в пустыню в трех центрах опустынивания: Кызылкумы в Мавераннахре и Каракумы на юге Амударьи, пустыня Такла-Макан в закрытом бассейне Тарима и, наконец, пустыня Гоби, которая расположена в обширной зоне, растянутой от юго-запада до северо-востока, начиная от Лобнора, где Гоби сходится с Такла-Маканом, вплоть до Хингана, у границ Маньчжурии. Именно там находятся три раковых пятна, которые съедают зону травянистых степей и не перестают посягать на эти зоны с незапамятных времен. Расположение Гоби между Северной Монголией, байкальскими лесами или степями Орхона, Керулена и Южной Монголией, степями Алашана, Ордоса, Чахара и Жехоля было, впрочем, одной из постоянных причин, которые препятствовали выживанию тюрко-монгольских империй, начиная от хун-ну античных времен до ту-кю раннего средневековья. Что касается бассейна Тарима, расположенного в нынешнем китайском Туркестане, то он свидетельствует, что степь, завоеванная пустыней, стала причиной особого развития этого региона. Отдаляясь от кочевой жизни, которая постоянно находилась под угрозой и контролем со стороны северных орд, в данном регионе стала развиваться городская и торговая жизнь оазисов, где проходили караванные пути и где, благодаря многочисленным оазисам, появилась возможность наладить связь с крупными оседлыми цивилизациями Запада: Средиземноморья, Ирана, Индии, с великой оседлой цивилизацией Дальнего Востока Китаем. Двойной маршрут этого пути возник в пределах изгиба на севере и юге иссякающей реки, а на севере очерченном Дунхуаном, Хами, Турфаном, Карашаром, Кучой, Кашгаром, Ферганой и Мавераннахром, на юге - Дунхуаном, Хотаном, Яркендом, памирскими долинами и Бактрией. Эта двойная линия, очень хрупкая вдоль трассы в самой ее середине, где чередовались пустыни и горные возвышенности, тонкая, подобно вытянутой и одновременно извилистой тропинке муравьев, ползущих на деревенских дорогах, несмотря ни на что, оказалась достаточной, чтобы на нашей земле не оказалось двух разных планет и сохранился определенный контакт между китайской и индоевропейскими цивилизациями. Именно по Шелковому пути и дороге паломничества шла торговля и распространялась религия, греческое искусство потомков Александра и проповеди

буддийских миссионеров, пришедших из Афганистана. В тех же краях греко-римские негоцианты, о которых упоминал Птолемей, стремились заполучить шелковые тюки «Серики», там же китайские полководцы династии «Поздняя Хань» искали связи с иранским миром и римским Востоком. Одной из вечных проблем китайской политики, начиная от ханьцев вплоть до Хубилая, являлось обеспечение беспрепятственного использования этого великого пути всемирной торговли.

Но на севере этого узкого коридора между цивилизациями у кочевников существовал совершенно другой маршрут, каковым являлась степь, бесконечно пересекаемая многочисленными тропами. Дорога варваров. Ничто не мешало передвижению варварских эскадронов между берегами Орхона и Керулена и озером Балхаш. Укажем в связи с этим, что Большой Алтай и северные отроги Тянь-Шаня сходятся друг с другом. При этом достаточно просторный проход оставался в стороне от Имиля на Тарбагатае, в Чугучаке, так же он оставался широким между Йолдузом, Или и бассейном Иссык-Куля, на северо-западе которого бескрайние просторы киргизских (казахских) и русских степей вновь оказались под копытами кавалерии, пришедшей из Монголии. Орды из восточных степей беспрестанно пересекали эти проходы Тарбагатая, Алатау и Музарта в поисках добычи в степях Запада. В доисторический же период доминировал обратный процесс. Очевидно, что кочевники иранской, то есть индоевропейской расы, которых греческие историографы называли скифами и сарматами, что звучит по ирански, как саки, продвинулись очень далеко вглубь северо-востока, в сторону Пазырыка и Минусинска, в то время как другие индоевропейцы расселились в оазисах Тарима, начиная от Кашгара до Кучи, Карашара, Турфана, и, возможно, вплоть до Ганьсу. Достоверно известно, что начиная с христианской эры, движение пошло от востока к западу. Тогда уже не индоевропейцы господствовали в оазисах будущего китайского Туркестана со своими тохарским, кучанским и «восточноиранским» диалектами, а хун-ну, которые под именем гунны основали прототюркскую империю в Южной Руси и Венгрии, там, где русские степи являются естественным продолжением азиатских, а венгерские - продолжением русских. Это были также авары, монгольские орды, бежавшие из Центральной Азии под натиском ту-кю в VI-ом веке, которые стали господствовать в этих местах, сначала на Руси, а затем в Венгрии. В VII-ом веке таковыми стали тюрки-хазары, в XI-ом веке — тюрки-печенеги, в XII-ом — тюрки-команы, которые пошли по тому же маршруту. Наконец, монголы-чингисханиды в XIII-ом веке завершили объединение степей, если можно

так выразиться, заселенных человеком от Пекина до Киева¹.

Внутренняя история степей является историей тюрко-монгольских орд, которые соперничали друг с другом за обладание лучшими пастбищами и пересекали эти степи для того, чтобы удовлетворить нужды своих стад и табунов. Это было бесконечное кочевание со своим скотом по маршрутам, изменение которых, порой, требовало столетий, а эти огромнейшие просторы, которые природа создала для жизнедеятельности кочевников, заставляли их адаптироваться к ним как по своему физическому облику, так и по образу жизни. История, написанная представителями оседлых народов, раскрывает немного из того, что касается нескончаемых передвижений между Желтой рекой и Будапештом. Ею было зафиксировано нашествие различных орд, возникших неожиданно у Великой Стены или у дунайских крепостей, перед Татонем или Силистрой. Но что же они нам поведали о внутренних передвижениях тюрко-монгольских народов? Очевидно, что все эти кочевые племена, которые стремились доминировать над другими ордами, следовали одно за другим в пределах империй Карабалгасуна и Каракорума в верхней Монголии, у истоков Орхона. Это были: хун-ну тюркского происхождения во времена еще до нашей эры, сяньби — монгольского происхождения в III —ем веке после Рождества Христова, жуань-жуани, также монгольского происхождения, в V веке, тюрки - ту-кю — в VI-ом веке, тюрки- уйгуры VIII-го века, тюрки-кыргызы в IX —ом веке, кидани, монгольского происхождения, в X —ом веке, кериты или найманы, несомненно, тюркской расы, в XII —ом веке и, наконец, монголы-чингисханиды в XIII-ом веке. Если нам известна подлинность происхождения кланов, которые поочередно: то тюркские, то монгольские, устанавливали господство одних над другими, то нам неведомо, каков был соответствующий этногенез в самом начале формирования этих значительных родственных групп: тюрков, монголов и тунгусов. Безусловно, на данный период тунгусы занимают, кроме Северной Маньчжурии, большую часть Восточной Сибири и, к тому же, в Центральной Сибири они располагают берегом среднего течения Енисея и живут в районе трех рукавов речки Тунгуски. Монголы же находятся на территории исторической Монголии. Тюрки располагаются в Западной Сибири и на территории двух Туркестанов, с учетом того, что в данном регионе тюрки появились позже и тюркизация имела место на Алтае в I-ом веке нашей эры, в Кашгарии в IX-ом веке, в Мавераннахре в XII-ом веке, а основная часть горожан

---

¹ По истории тюрко-монгольских империй, рассматриваемой как исследования по человеческой географии, см. Owen Lattimore, The geographical factor in Mongol history, The Geographical Journal (London), XCI, January 1938.

как в Самарканде, так и в Кашгаре была тюркизирована, но оставалась иранским по происхождению населением. Но, с другой стороны, нам известно из истории, что в самой Монголии чингисханиды монголизировали многочисленные исконно тюркские племена: найманов Алтая, керейтов Гоби, онгутов Чахара. Еще до того, как Чингисхан объединил эти племена под синим стягом собственно монголов, часть нынешней Монголии была тюркской. До сих пор тюркский народ якуты расположен севернее тунгусов и занимает северо-восток Сибири в бассейнах рек Лены, Индигирки и Колымы. Наличие в таком количестве тюрков в районе Берингова пролива, у краев Северного Ледовитого океана, севернее монголов и даже тунгусов, делает необходимым проявлять большую осмотрительность, когда речь заходит об изучении происхождения «ранних» тюрков, монголов и тунгусов¹. По всей вероятности, тюрко-монгольские и тунгусские племена с самого начала располагались далее, на северо-востоке, и не только современная Кашгария, но также северные склоны Саянских гор (Минусинск) и Большого Алтая (Пазырык) были заселены в ту эпоху индоевропейцами, пришедшими из «общего индоевропейского котла» Южной России. Подобная гипотеза согласуется во многом с мнением лингвистов, которые, подобно Пеллио и Гийому Хевези, достаточно демонстративно отказываются принять идею родоначального союза алтайских (тюркского, монгольского, тунгусского) и фино-угорских языков, которые были распространены на Урале². Между тем, достаточно значительное различие на сегодняшний день, несмотря на первоначальные родственные связи между тюркским, монгольским и тунгусским языками, склоняет нас к выводу о том, что все три группы, объединенные в ту историческую эпоху под общим началом, с чем-то связаны: частые взаимные заимствования терминов культуры, жили в какое-то время на приличном расстоянии друг от друга на огромнейших просторах азиатского северо-востока.

---

¹ По всей вероятности, якуты пришли на север, а их происхождение следует искать в регионе озера Байкал. Несмотря на то, что в своей стране они на данное время используют северных оленей, у них существует обычай применения в некоторых церемониях лошадиных черепов, как признак их пребывания в приграничных зонах монгольских степей. Это явление противоположно тому, что обнаружено в захоронениях Пазырыка. Cf. O. Latimore, *Geogr. Journ.*, 1938, 1, 8.

² «Мы разумно отказались, по крайней мере, на современном этапе исследований от рассмотрения урало-алтайской лингвистической семьи, которая включала бы также финно-угорские и самоедские, тюркские, монгольские и тунгусские языки» (Pelliot, *Les mots a H initiale, aujourd'hui amue, dans le mongol des XIII et XIV siecles*. J.A. 1925, 193).

Если история тюрко-монгольских орд ограничивалась бы просто набегами и междоусобной борьбой при перекочевках, то она не дала бы нам никаких интересных данных, по крайней мере, тех, которые нас интересуют. Значительным фактом в истории человечества является то давление, которое эти кочевники оказывали на цивилизованные империи юга, давление, которое заканчивалось многочисленными нападениями, приводившими к захвату территории. Пришествие кочевников представлялось почти естественным законом, продиктованным условиями степной жизни¹. Безусловно, те из тюрко-монголов, что были связаны с лесной зоной Байкала и Амура, оставаясь в диком состоянии, занимаясь охотой и рыболовством, также как и джурчиды до XII-го века, равно как и «монголы лесов» до эпохи Чингисхана, являлись еще теми народами, которые были слишком ограничены в пределах разбросанных лесных массивов, чтобы иметь понятие о землях, на которые можно было претендовать. Однако совсем иное дело обстояло с тюрко-монголами степей, которые жили благодаря тому, что занимались скотоводством и поэтому были вынуждены кочевать вслед за скотом, который был в постоянном движении в поиске пастбищ, а человек следовал за ним. К тому же степь является естественной средой обитания лошадей². Человек степи — это прирожденный всадник. Именно он, будь то иранец на западе или тюрко-монгол на востоке, изобрел экипировку всадника, о чем свидетельствуют изображения скифов на греческих вазах киммерийского Босфора. Нам также известно, что китайцы в III-ем веке до нашей эры для того, чтобы отличать кавалерийские отряды один от другого, заменили на манер гуннов свои долгополые одеяния на штанины. Эти всадники скоростных рейдов являлись лучниками на лошадях, которые уничтожали противника на расстоянии, отстреливаясь из лука при отступлении. Ведь парфянская стрела на самом деле есть ни что иное, как стрела гуннов и скифов, которые, ведя войну, используют стрелы и лассо, словно преследуют убегающую дичь и лошадей. Ведя подобный вечно кочующий образ жизни, они смогли, в конце концов, узреть на оконечностях степи

---

¹ См. раздел, где дан физический портрет хун-ну, описанный китайскими историографами, и описание гуннов Аттилы, данное латинскими историографами. Портрет чингисханидских монголов дан китайскими, арабскими и христианскими летописцами.

² Замещение степной лошади на северного оленя сибирской тайги, выявленное маскировкой в облике северных оленей под жертвенных лошадей, найденных в захоронениях Пазырыка (Танну, Тува, сибирский Алтай, V. 100 av. J.-C.), явно свидетельствует о переходе племен от жизни лесных охотников к жизни кочевых скотоводов. Cf. Owen Lattimore, Geographical factor in Mongol history, Geographical Journal, London, janvier 1938, 8.

возделываемые поля и те условия жизни, которые и вызвали у них нездоровую зависть. У них, как известно, зима была суровой: степи являлись продолжением суровой сибирской тайги; лето было невероятно жарким: тогда степи представляли как продолжение пустыни Гоби, и кочевники в таких условиях были вынуждены ради прокорма скота доходить до склонов Хингана, Алтая или Тарбагатая. Только весна преобразовывала степи в обильную прерию, украшенную яркими цветами, и это становилась праздником как для их животных, так и для них самих. В остальное же время года, особенно зимой, они обращали свой взор на земли с умеренным климатом на юге, на Иссык-Куле, «горячем озере», на юго-западе, и на плодородные желтые земли Хуанхэ на юго-востоке. Происходило это не из-за какого-то особого расположения к возделываемым землям как таковым. Когда они завоевывали возделываемые земли, то инстинктивно оставляли их под парами, что не приносило урожая; они превращали поля в подобие родных степей, где могла произрастать трава для стад овец и лошадей. Таковым было отношение Чингисхана в XIII-ом веке к культивируемым землям: он, завоевав регион Пекина с прилегающими к нему обработанными полями, вознамерился убрать просо из прекрасной долины Хубея, чтобы превратить ее в пастбище. С одной стороны, люди севера не осознавали, что значили продовольственные культуры земледелия. Например, чингисханиды Туркестана и России вплоть до XIV-го века оставались истинными кочевниками, которые бездумно грабили свои же собственные города при малейшем нарушении выплаты налогов селянами, перекрывали ирригационные каналы, чтобы не дать воду полям. С другой, — они высоко ценили городскую жизнь за то, что там производили различные товары и много прекрасных вещей, которые можно было отбирать и похищать. Они привыкали к мягкому климату, хотя его умеренность была относительной. К примеру, комфортный климат Пекина казался Чингисхану расслабляющим, из-за чего он после каждой кампании уходил на летние кочевки на Байкал. Одержав победу над Джалал ад-Дином, он относился с устойчивой неприязнью к Индии, которую завоевал, потому что для этого уроженца Алтая она представлялась адским котлом. Впрочем, он был прав, отказываясь от удобств цивилизованной жизни, потому что, как только его внуки становились оседлыми и приживались во дворцах Пекина и Тауриса, это являлось началом их стремительного вырождения. И пока кочевники сохраняли свою душу номада, они относились к оседлым народам как к своим хуторянам, к городу и земледелию, как к своей ферме, жестоко эксплуатируя как землю, так и земледельцев. Они объезжали свои владения, рубежи древних оседлых империй верхом на лошади,

собирая регулярную дань с населения, которое более или менее добровольно соглашалось платить ее. Однако в том случае, когда оседлое население проявляло неблагоразумие, отказываясь платить дань, кочевники грабили незащищенные города, совершая внезапные набеги. Они были подобны стаям волков и неслучайно — волк является древним тюркским тотемом. Он олицетворял тех хищников, которые подкрадываются к стадам парнокопытных, а затем, следуя друг за другом, перегрызают горло своим жертвам или просто приканчивают оставших и раненных¹. Подобная тактика регулярных молниеносных грабительских нападений с постоянным взиманием дани, которую Сыны Неба прикрывали целомудренным названием «добровольного подарка», была универсальным правилом во взаимоотношениях между тюрко-монголами и китайцами, начиная со II-го века до нашей эры, вплоть до XVII-го века.

Тем не менее время от времени у кочевников появлялась сильная личность, которая извлекала опыт из истории вырождения оседлых империй. Ведь кочевники, эти хитроумные варвары, словно, наши германцы IV-го века, были прекрасно осведомлены о византийских интригах китайского двора. Эта неординарная персона была способна вступать в сговор с одной из китайских групп заговорщиков или с потерявшим надежду на власть претендентом, или с одним китайским царством против сопредельного царства. Со своей ордой он провозглашал союз с империей и под предлогом защиты империи обустривался у приграничных ее подступов. Спустя одно, два поколения, уже внуки, впитавшие в себя китайскую культуру, становились готовыми, чтобы пойти дальше и без церемоний против трона Сынов Неба. В этом смысле авантюра Хубилая в XIII-м веке ни что иное, как повторение действий Лю Цзуна в IV-м веке, и То-па — в веке V-м. Могло миновать еще два или три поколения (если не происходило китайского национального восстания, которое вынуждало пришельцев к уходу за пределы Великой Стены), прежде, чем эти китаизированные варвары, не воспринимавшие оседлую цивилизацию без сохранения своих номадических черт, могли подвергнуться нападению. Тогда их земли становились предметом алчных вожделений других варваров, сохранивших кочевой образ жизни и ведущих полуголодное существование на периферии родных степей. И вновь все возвращалось на круги своя. Это произошло тогда, когда за спиной сытых хун-ну и сяньби в V-ом веке возникли тюрки тоба, которые

---

¹ Напомним, что древним мифическим образом тюрко-монголов являлся волк с белой отметиной, у монголов, по Секретной истории, — это Бортчино, или Серый волк, Кек бури — у тюрков, по Огуз-намэ: «Из яркого луча появился крупный волк-самец с серой шерстью и серой гривой».

наголову разбили последних и заняли их место. Это повторилось и тогда, когда севернее киданьцев, этих сильно китаизированных монголов, почитавших себя с начала X-го века мирными хозяевами Пекина, в веке XIII-ом заявили о себе джурджиты, которые на ранней стадии представляли из себя диких тунгусов. За несколько месяцев джурджиты отняли у киданьцев великий город лишь для того, чтобы китаизироваться и, потеряв бдительность, спустя сто лет, подвергнуться разрушительному нападению Чингисхана.

То, что истинно для Востока, также истинно для Запада. Европейские степи, являющиеся продолжением азиатских, были свидетелями прихода гуннов Аттилы, которых сменили болгары, авары, венгры, то есть финно-угры, а также впитавшие влияние гуннской аристократии, хазары, печенеги, куманы, чингисханиды. То же самое наблюдалось на земле ислама, где процесс исламизации и иранизации явился у победителей — тюрков Ирана и Анатолии точным слепком китаизации, которой подверглись тюрки, монголы и тунгусы, победители Поднебесной империи. Хан становится в подобном случае султаном или падишахом в той же манере, как он становился в Китае Сыном Неба. И таким же образом он был вынужден вскоре уступать место другим более примитивным выходцам из степей. Такая же картина взаимного разложения и смены власти наблюдалась и в Иране, где на смену тюркам-газневидам пришли тюрки-сельджуки, а взамен тюрков-хорезмийцев — монголы-чингисханиды, которых, в свою очередь, заменили тюрки-тимуриды и монголы-шейбаниды, не говоря уже о тюрках-османцах, которые, устремившись вперед, подобно стреле, оказались на передовых позициях мусульманских владений, устранив из Малой Азии агонизирующих сельджуков, бросились с невероятной удачливостью на захват Византии.

Пример Верхней Азии еще более красноречивее, чем Скандинавия Жорнандеса, и предстает перед нами как матрица нации, *vagina gentium* (гнездо племен, колыбель народов - лат.). Это своего рода азиатская Германия, имеющая перед собой цель в суматохе своего *Volkerwanderungen* отдавать своих сыновей древним цивилизованным империям в качестве султанов и Сыновей Неба. Подобное пришествие степных орд, которые периодически насаждали своих ханов на троны Чангана, Лояна, Кайфына или Пекина, Самарканда, Исфагана, или Тауриса, Кони, или Константинополя, явилось одним из географических законов истории. Но существовал и противоположный закон, который способствовал медленному поглощению кочевников-захватчиков цивилизованными странами. Этот двойственный феномен носил, прежде всего, демографический характер: всадники-номады, получившие статус спорадической аристократии, растворялись и исчезали в плотной массе людей, в этих древних муравейниках.

Имел место и культурный аспект: побежденная китайская или персидская цивилизация покоряла своего свирепого победителя, убажывая и убаюкивая его, а затем уничтожая. Зачастую несколько десятилетий спустя после завоевания все выглядело так, словно ничего и не произошло. Китаизированный или иранизированный варвар первым становился на защиту цивилизации в борьбе против новых стремительных нашествий варваров. В V-ом веке тюрки тоба, хозяева Лояна, стали защитниками культуры и земли Китая от монголов, сяньби или жуань-жуаней, которые стремились повторить ту же авантюру. В XII-ом веке сельджук Санджар на Оксе и в Джаксарте создал свою «гвардию на Рейне», направленную против огузов или кара-китаев Арала и Или. История Кловиса или Шарлеманя повторилась на всех этапах истории Азии. Подобно тому, как Римская цивилизация для того, чтобы оказать сопротивление саксонскому и нормандскому германизму, нашла новую опору в ассимилированной ею франкской энергии, китайская культура не имела бы лучшей поддержки, чем та, которую оказали ей тоба в V-ом веке, так же как и арабо-персидский ислам не имел бы самого верного рыцаря, чем отважный Санджар, о котором только что мы вели разговор. Что еще примечательно, так это то, что именно китаизированные или иранизированные тюрко-монголы завершили дело древних шахиншахов, или Сыновей Неба. То, что не удалось Хосрою и ни одному из халифов, то есть занять трон Басилевса и взойти на трон церкви Святой Софии, удалось их преемнику, османскому падишаху XV-го века, осуществившему эту церемонию под бурное одобрение мусульманского мира. Таким же образом мечту о паназиатском господстве династии Хань и Тан удалось осуществить в древнем Китае именно благодаря императорам династии Юань XII-XIV-го веков – Хубилаю и Тимуру Олжайту, которые превратили Пекин в сюзеренную столицу Руси, Туркестана, Персии и Малой Азии, Кореи, Тибета и Индокитая. тюрко-монголы, таким образом, одержали победу над древними цивилизациями для того, чтобы в итоге повернуть свое оружие на их благо. тюрко-монголы, подобно тому, как римляне, воспетые античным поэтом, правили цивилизованными народами для пользы их традиций и удовлетворения их тысячелетних амбиций, управляли Китаем, чтобы реализовать программу создания китайского империализма в Азии от Хубилая до Канси и Цянь Луна. Тюрко-монголы господствовали над ирано-персидским миром для того, чтобы завершить наступление Сасанидов и Аббасидов на золотые купола Константинополя.

В мире мало имперских наций и рас, предрасположенных к властвованию. Таковыми, наряду с римлянами, были и тюрко-монголы.

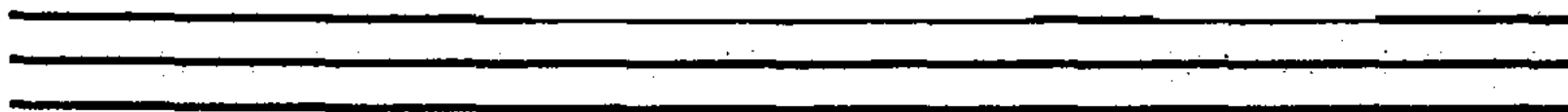
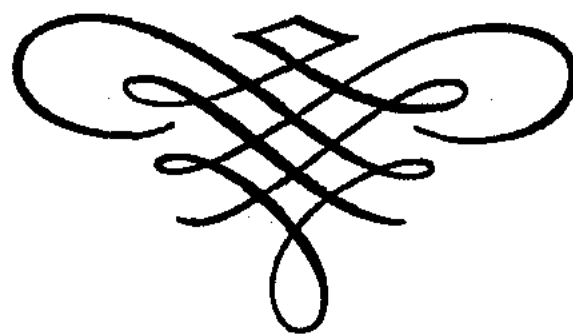

ВЕРХНЯЯ АЗИЯ
ДО XIII ВЕКА

Часть I

І. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СТЕПЕЙ: СКИФЫ И ХУН-НУ

АНТИЧНЫЙ МИР СТЕПНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Первый известный нам евроазиатский путь проходит через северные степи. Этим маршрутом, начиная с эпохи палеолита, распространяется в Сибири ориньякская культура. «Ориньякская Венера» была обнаружена в Малте, неподалеку от Красноярска, у верховьев Енисея, и оттуда распространялась на Северный Китай, где Тейлор де Шарден обнаружил очаги ориньякской культуры, погребенные под слоем лёсса в Шуэтонку, рядом с Нинся, в Ганьсу, а также в Сиара-оссо-голе, на юго-западе Юйлиня, что на севере Шаньси. Вместе с этим магдаленская культура, по всей вероятности, была одновременно представлена в Сибири (верхний Енисей), в Манчжурии (Долон-Нур, Манчжули, Хайлар) и в Хубее. Об этом свидетельствуют найденные скелетные останки и предметы украшений верхнего грота Шоукунтьена под Пекином: костяные иглы, просверленные клыки животных, кости в виде подвесок, обработанные раковины, кусочки перламутра, скопления охры¹.

В эпоху неолита, а точнее, к концу этой эпохи, сибирский степной путь служил также местом проникновения в Азию керамических изделий, декорированных нарезками «под гребень» (как у немцев и у англичан), распространенных в Центральной Руси в первой половине III -го тысячелетия и распространившихся на часть сибирской территории, оказавших сильное влияние на протокитайскую керамику Тзикьяпинга в Ганьсу. Вполне вероятно, что вместе с этим, в следующий период, в начале II-го тысячелетия, через Сибирь из Украины в Китай пришла прекрасная керамика, декорированная спиралевидными полосами, которая производилась в Триполье под Киевом, в Шипенитце в Буковине, в Петрени в Бессарабии и Кукутени в Молдавии. Это искусство пережило расцвет на китайской территории, начав шествие в Ян-шаоцзуне, в Хунани к 1700 г., и, далее, в Паньшан и Ганьсу. Согласно Таллгрену, бронзовый век начался в Западной Сибири к 1500 г. до н.э., что связано с великой

дунайской цивилизацией эпохи бронзы, получившей развитие в тот же период (цивилизация Ауниетитцы), в то время как в Центральной Сибири, в Минусинске, бронзовая эра началась лишь три столетия спустя (к 1200 году до н.э.). Западносибирские топоры и наконечники копий, имитированные затем в Китае, наводят Макса Лёра на мысль, что техника обработки бронзы была заимствована Китаем из Сибири (1400 г. до н.э.)².

Значительным событием древней истории степей является становление искусства изображения животных, постепенно принимавшего стилизованные формы. Имеющие неповторимую форму и предназначенные для украшений пластины к снаряжению и конской сбруе из бронзы, серебра или золота, представляли предметы роскоши для кочевых народов. Следы подобного искусства обнаружены на Кубани в захоронениях Майкопа: янтарная ваза, фигурки из массивного серебра и золота, воспроизводящие животных (быки, львы и т.д.), созданные под влиянием ассирийско-вавилонского искусства. Всё это, имевшее место в эпоху срединной минойской культуры, восходит, о чем свидетельствует Таллгрен, примерно к 1600-500 гг. до н.э.³ Пример знаменитой секиры Келермеса свидетельствует о том, что это оригинальное ассиро-вавилонское влияние будет продолжаться на протяжении всего периода, вплоть до VI - го века до н. э.

Таллгрен склонен предполагать, что, начиная примерно с 1200 г. до н. э., русская степь на севере от Черного моря стала заселяться киммерийцами, индоевропейским народом, который относят к фракийско-фригийской расе⁴. Он «прибыл» либо из Венгрии и Румынии, либо, что является менее вероятным, «проживавал в той же» в Румынии и Венгрии⁵. В большинстве случаев именно киммерийцам той эпохи приписывает этот известный финский археолог многочисленные находки, недавно обнаруженные на Кубани (Прикубанье). Основные находки, о которых идет речь, представлены сокровищами Бородино (примерно 1300 - 1100 гг. до н.э.?), и Чщетково с бронзовыми серпами (примерно 1400 - 1100 гг. до н.э.?), бронзолавильней Николаева (примерно 1200 г. до н.э.?), бронзовыми серпами Абрамовки (примерно 1200 г. до н.э.?). Все находки обнаружены между нижним течением Дуная и Днепра и, далее, в Прикубанье. Это — золотые пластины и массивные серебряные фигурки волов Старомишастровской (примерно 1300 г. до н.э.?), на Тереке, курганы Пятигорска (примерно 1200 г. до н.э.?), в верхней Кубани (расцвет бронзовой эры, примерно в 1200 - 1000 гг. до н.э.?). Все киммерийское искусство средней полосы России связано, впрочем, с транскавказской культурой Гянджи - Карабаха, где в тот период появились прекрасные бронзовые застежки, украшенные изображениями животных правильной